

непокорную голову въ чалмѣ, все-таки, прислушиваясь къ звукамъ ночи, онъ невольно слушаетъ соловьевъ. Надъ нимъ одинаково и одновременно—смерть и соловьи. Ихъ неотразимыя пѣсни такъ жутко и плѣнительно, съ такой мудрой многозначительностью оттѣняютъ все кровавое и безумное, что сейчасъ произойдетъ. Будетъ сраженіе. Одинъ изъ цукеровъ, Курбанъ, въ пылу битвы, заряжая ружье и цѣлясь, все время будетъ пѣть молитвы. Сраженный Хаджи-Муратъ въ послѣднее мгновеніе выпрямится во весь свой ростъ, пугая своихъ побѣдителей, и затѣмъ упадетъ какъ подкошенный репей,—какъ тотъ репей, который, къ счастью для читателей, вдохновилъ Толстого на его разсказъ, породилъ въ немъ удивительную и незабвенную ассоціацію.

„Соловьи, смолкнувшіе во время стрѣльбы, опять защелкали, сперва одинъ близко, и потомъ другіе на дальнемъ концѣ“. Въ міровой эпопеѣ „Война и миръ“ до поры, до времени кончилась война, начался миръ,—и въ свои права вступили соловьи, которые всегда правы, которые, какъ и художники, никогда не тенденціозны...

Преодолѣніе преднамѣренности, поглощеніе умысла въ мысли, тенденціи въ красотѣ, является въ сочиненіяхъ Толстого до такой степени очевиднымъ и отраднымъ фактомъ, что цензурные точки въ нихъ кажутся не только святотатственными (вѣдь это—святотатство, отнимать у Толстого, похищать изъ